

ФЕОДОР АБУ КУРРА И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ РАННЕЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПОЛЕМИКИ С ИСЛАМОМ

Имя Феодора Абу Курры, выдающегося и весьма оригинального православного богослова, фактически незнакомо российскому читателю, хотя среди книжников Древней Руси труды и взгляды Абу Курры были известны¹, а в последнее время указания на необходимость исследования его богословского наследия стали звучать и в среде современных православных патрологов².

* * *

Феодор родился около 750 году в Эдессе, умер около 820 года. О его жизни до сих пор нет достоверных сведений³. Влияние, оказанное на него работами преподобного Иоанна Дамаскина († 749), позволяет предположить, что Феодор в молодости тоже был монахом в монастыре святого Саввы Освященного в Палестине, где он серьезно ознакомился с миром богословия преподобного Иоанна Дамаскина. Сам Феодор Абу Курра считал себя учеником преподобного Иоанна и продолжил, в частности, его борьбу с иконоборчеством. В одном из диалогов, где имя Абу Курры стоит в заголовке, специально упоминается, что Феодор написал его «с голоса Иоанна Дамаскина» – «техническое» выражение, означающее «в соответствии с устным учением» Иоанна Дамаскина.

Установить, когда Феодор был рукоположен во епископа древнего города Карры (ныне Харан), в Месопотамии, не представляется возможным. Почетный титул «Абу Кура» (отец утешения), равно как и титулы философа и учителя, указывают на то, каким большим уважением пользовался этот православный богослов. Это подтверждается также и тем, что его труды, написанные по-гречески, вскоре же переводились на грузинский. Атмосфера города Карры, имевшего в VIII и IX веках большое экономическое и культурное значение, а также религиозное многообразие этой митрополии исключительно благотворно повлияли на продуктивность его литературного творчества. Абу-Курра свободно писал и на греческом, и на арабском, и на сирийском.

До наших дней сохранились 43 работы, написанные им по-гречески, а также большое количество рукописей на арабском языке, автором двадцати из которых, несомненно, следует считать Абу Курру. Как указывает сам Феодор, им были написаны 30 трудов на сирийском языке, данные рукописи до сих пор считаются пропавшими. Из его коротких греческих трактатов большинство составлено в форме диалогов с еретиками, встреченными автором (несториане, монофизиты, оригенисты), а семнадцать – направлены против ислама. В своих сочинениях Феодор затрагивает широкий спектр богословских вопросов, от триадологии и христологии до сакраментологии и иконопочитания. Некоторые из его работ посвящены полемике с исламом, и нас в данной статье интересовать будут преимущественно они. Феодор Абу Курра является ранним представителем арабо-христианской литературы, обладающим яркой незаурядной индивидуальностью. Не менее значительно его воздействие на становление догматики ислама⁴.

* * *

И святитель Софроний Иерусалимский, и святитель Герман Константинопольский упоминают об исламе хронологически ранее преподобного Иоанна Дамаскина, но лишь в трудах последнего этот разговор обретает конкретность. Преподобный Иоанн идентифицирует ислам как самостоятельное учение, определяя его как ересь⁵, пытается излагать основные его признаки, при этом цитируя или пересказывая содержание второй, третьей, четвертой и пятой сур и ряд устных мусульманских преданий. Вместе с тем преподобный Иоанн скорее преследует цель дать некое, довольно приблизительное представление византийскому читателю

¹ Сипенкова Т. М. Россия и Арабский Восток // Россия и Восток. СПб., 2000. С. 24.

² Сидоров А. И. Патрология. Т. I. М., 1996. С. 31.

³ *Schwaigert Wolfgang*. Theodoros Abu Qurra // *Bestellmöglichkeiten des Biographisch-Bibliographischen Kirchenlexikons*. Band XI (1996). S. 964.

⁴ Об этом подробнее см.: Крачковский И. Ю. Феодор Абу Курра у мусульманских авторов // Христианский Восток. IV, 3, 1916. С. 301-309.

⁵ Под этим термином у раннехристианских писателей нередко понималось любое заблуждение вне христианства вообще, а не только имеющее христианское обличие (как это понимается ныне). Манихейство, например, единодушно именовалось ересью, хотя собственно христианству оно нисколько не ближе ислама. В этом отношении классификация преподобным Иоанном ислама как ереси не вызывает удивления.

лю о религии арабов, нежели серьезно осмыслить ислам и дать ему систематическое опровержение. В этом списке можно вспомнить также ответное письмо императора Льва III халифу Омару II, датируемое даже более ранним сроком, чем сочинения преподобного Иоанна Дамаскина, и показывающее достаточно широкое знание предмета, хотя большей частью представляющее апологию христианства.

В отличие от своих предшественников, Феодор в живых диалогах сталкивался с необходимостью «приспособить христианскую веру к уровню понимания собеседника. Отсюда постоянно повторяющиеся попытки представить доказательство триединства, основанное не на свидетельствах Священного Писания, а на доводах разума... Все эти доказательства исходят из категорического утверждения Божественного единства, которое следует понимать не как простоту скудости, а как избыточную полноту»⁶.

Его труды, написанные в диалогической форме, следует рассматривать как первую серьезную попытку осмысления ислама, но также и противостояния с ним. Ему был известен Коран в оригинале, и он жил среди мусульманского населения. «Эти короткие сочинения дают ощущение настоящей природы тех отношений, которые существовали между мусульманами и христианами в VIII веке»⁷ и «несут на себе печать живого опыта, который опирается на непосредственные контакты с мусульманами, на личные беседы»⁸.

Уже много позднее нечто подобное мы встречаем в диалогах с мусульманами святителя Григория Паламы и императора Мануила II Палеолога, непосредственно соприкасавшихся с миром ислама. Однако и тот и другой воспринимают этот мир как нечто чуждое и внешнее, знакомясь с ним, первый – в качестве пленника, второй – в качестве гостя. Феодор же был полноценным обитателем сего мира, выросшим и сформировавшимся в нем и уделявшим ему много больше внимания по сравнению с прочими православными полемистами средневековья. Абсолютный приоритет в диалогах Абу Курры принадлежит не гипотетическому христианскому читателю, а живому мусульманскому собеседнику, в этом новизна и неопределимый вклад в православное полемическое богословие Каррского епископа, именно благодаря этому аргументация Абу Курры в большинстве своем свободно применима и в современной богословской полемике с исламом.

Применялась она и ранневизантийскими авторами. В середине IX века святой Константин Философ в диспуте с арабами использует аргументацию Абу Курры, отвечая на утверждение мусульман, что разделение христианства на различные ереси и секты – доказательство его непоследовательности. Впрочем, позиция святого Константина всецело апологетическая, систематической критики ислама мы в обоих его диалогах с мусульманами, сохранными в житии, не увидим.

Диалоги же Феодора содержат четкую отрицательную позицию по отношению к вере ислама и к личности Мухаммеда, лжепророка-арианина (1560А), находящегося во власти беса (1545В-1548А). Но использованные доводы представлены так, чтобы они были поняты оппонентами, что соответствует принципам настоящего диалога.

* * *

Традиция христианского полемического диалога восходит еще к Новому Завету – значительная часть евангельских истин преподана нам в форме диалога, нередко полемического, лучший пример чему – Ин 8:12-27 и Ин 9:13-34. Христианская письменность восприняла и развила эту форму с очень ранних времен: уже от II века дошли до нас «Октавий», «Диалог Паписка с Ясоном», «Разговор с Трифоном Иудеем» – все эти памятники имеют основой реально бывшие диалоги. В фиксировании опыта живого свидетельства веры перед иноверными заключалась особая ценность для Церкви – не только создание реально работающей системы аргументации, не только адекватное интеллектуальное изъяснение христианского упования, но прежде всего запечатление прямого действия Духа Божия, во исполнение слов Господа: «*Не заботьтесь наперед, что вам говорить, и не обдумывайте; но что дано будет вам в тот час, то и говорите, ибо не вы будете говорить, но Дух Свялый* (Мк 13:11; Мф 10:19-20), *итак положите себе на сердце не обдумывать заранее, что отвечать, ибо Я дам вам уста и премудрость, которой не возмогут противоречить, ни противостоять все, противящиеся вам*» (Лк 21:14-15).

Однако если в диспутах с иудеями христиане опирались как на общий авторитет на ветхозаветные писания, а в полемике с язычниками обращались к античному дохристианскому наследию, то в случае ислама основой для диалога могли стать лишь логика и общечеловеческие понятия и представления.

⁶ Хури Адел-Теодор. Ислам в восточной христианской мысли в средние века // Христиане и мусульмане: проблемы диалога. М., 2000. С. 264.

⁷ Протопресвитер Иоанн Мейендорф. Византийские представления об исламе // Альфа и Омега. № 4 (7) 1995. С. 124.

⁸ 'Ερ...σκοποι Anastfsioj (Giannoulftoj). O diflogoj me to islhm apō orqodōxh froyh // Oikoumenh. 1998. T. 2. S. 61.

Феодор Абу Курра был первым и едва ли не единственным, кто это ясно понимал. В отличие от византийских полемистов, Феодор в своей аргументации почти не прибегает к цитатам из Библии, за исключением того, что является общим с кораническими сказаниями, и это тактически безусловно верный шаг, поскольку реально существующий библейский текст фактически не является авторитетным для мусульман. Абу Курра свободно переходит на аналогии из области медицины, юриспруденции (что особо близко мусульманскому сознанию), истории, иллюстрирует свои аргументы примерами из повседневного быта мусульман; его лаконичные ответы, четко поставленные вопросы, нестандартные решения, рассчитанные на сильное психологическое воздействие на оппонента, – все это являет образцовый пример искусства полемического диалога.

Именно Абу Курра использует традиционную неосведомленность мусульман в христианском учении в качестве приема в диспуте, то же можно сказать и о использовании межмусульманских споров для одержания победы в разговоре. «Прагматический характер некоторых диалогов Абу-Курры не мешает применению искусных богословских доводов. Последователь Аристотеля, Феодор был знаком со всеми тонкостями византийского тринитарного учения и христологии»⁹.

Обращение оппонента в христианство не являлось основной целью, смыслом классического христианского диалога. Главной задачей его было адекватное свидетельство веры перед лицом иноверцев и защита ее от посягательств, хулений и критики внешних. Таковы в большинстве своем диалоги древности – «Разговор с Трифоном Иудеем», например. Таковы же диалоги Феодора – завершением их является момент, когда собеседник, не в силах ответить, умолкает или прямо отказывается от продолжения дискуссии.

* * *

На русском языке изданы были до сего момента лишь переводы двух небольших антимусульманских трактатов Абу Курры – под видом единой «Беседы сарацина с христианином», ошибочно приписываемой преподобному Иоанну Дамаскину¹⁰, в переводе Д. Е. Афиногенова, в серии «Святоотеческое наследие» издательства «Мартис». Принадлежность этих двух сочинений Каррскому епископу не вызывает сомнений при сличении их с другими творениями Абу Курры, кроме того, оба эти трактата также были найдены под именем Феодора.

Ниже мы представляем благосклонному читателю перевод еще семи диалогов Абу Курры с мусульманами в надежде, что это привлечет внимание к несправедливо забытому и незамечаемому богослову.

Творения:

– **на греческом:**

PG 94. Col. 1595-1597 и PG 97. Col. 1462-1640;

Johannes Damaskenos und Theodor Abu Qurra, Schriften zum Islam. Kommentierte griechisch-deutsche Textausgabe von Reinhold Gleis und Adel Th. Khoury. Altenberge, 1995;

– **на арабском:**

Johannes Arendzen. Theodori Abu Kurra De cultu imaginum libellus e codice arabico nunc primum editus latine versus illustratus. Bonnae, 1897;

Constantin Bacha. Mimar, De la vérité de la religion chrétienne, du Père vénérable et du philosophe parfait Théodore Abuqurra, Evêque de Harran // Al-Machriq 6, 1903, 633-643; 693-702; 800-809;

Qustantin al-Ba'a. Mayamir Ia'udurus Abi Qurra usqf Harran. Bairut, 1904;

Constantin Bacha. Les uvres de Théodore Aboucara, évêque de Haran. Beyrouth, 1904;

Constantin Bacha. Un traité des uvres arabes de Théodore Aboukurra, évêque de Harran. Tripoli-Rome, 1905;

Georg Graf. Die Schriften des Theodor Abu Qurra, Bischofs von Harran (ca. 740-820). Paderborn, 1910;

Louis Cheikho. Traité inédit de Théodore Abou-Qurra (Abucara), évêque Melchite de Harran (ca. 740-820) sur l'Existence de Dieu et de la Vraie Religion. Beyrouth, 1912;

Louis Cheikho. Mimar li Tadurus Abi Qurrah fi wugud al-yaliq wa d-din alqawin, in: Al-Machriq 15, 1912, 757-774 u. 825-842;

Georg Graf. Des Theodor Abû Kurra Traktat über den Schöpfer und die wahre Religion. Münster, 1913;

Ignace Dick. Deux écrits inédits de Théodore Abuqurra // Muséon 72, 1959, 53-67;

Sidney H. Griffith. Some Unpublished Arabic Sayings Attributed to Theodore Abu Qurrah // Muséon 92, 1979, 29-35;

⁹ Протопресвитер Иоанн Мейендорф. Указ. соч. С. 125.

¹⁰ Творения преподобного Иоанна Дамаскина. М., 1997. С. 75-81.

Ignace Dick. Théodore Abuqurra, traité de l'existence du Créateur et de la vraie religion, introduction et texte critique. Jounieh-Rom, 1982 (PAC 3);

Ignace Dick. Mimar fi ikram al-ayqunat (Traité sur la vénération des icônes), édition, présentation et indexation. Jounieh-Rom, 1986 (PAC 10);

Khalil Samir. Kitab «gami` wuguh al-iman» wa mugadalat Abi Qurrah `an salb al-Masih // al-Masarrah 70, 1984, 411-427;

– на грузинском:

L. Dathiachvili. Theodore Abukurra traktatebi da dialogebi targmnili berz nulidan Arsen iqaltoelis mier. Tbilissi, 1980.

Библиография:

1. *Крачковский И. Ю.* Феодор Абу Курра у мусульманских авторов // Христианский Восток. IV, 3, 1916. С. 301-309;

2. *Протопресвитер Иоанн Мейендорф*. Византийские представления об исламе // Альфа и Омега. № 4(7), 1995;

3. *Хури Адел-Теодор*. Ислам в восточной христианской мысли в средние века // Христиане и мусульмане: проблемы диалога. М., 2000. С. 264;

4. *Akinian N.* Theodor Abuqurra und Nana der Syrer in Armenien und die Armenische Übersetzung des Kommentars des Nana zum Evangelium des hl. Johannes // Handes amsoya 36, 1922. S. 192-205;

5. *Bardenhewer Otto*. Geschichte der altkirchlichen Literatur V, 1932 (Repr. 1962). S. 65 f.;

6. *Becker Carl Hermann*. Christliche Polemik und islamische Dogmenbildung // Islamstudien I, 1924. S. 432-449;

7. *Beck Hans-Georg*. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich, 1959. S. 488 u. 833;

8. *Dathiachvili L.* Antimahmadianuri polemika Téodore Abukurra naromebsi // Sakitkhebi VII-VIII, 1976. P. 82-101;

9. *Dick Ignace*. Un continuateur arabe de saint Jean Damascène: Théodore Abuqurra, évêque melkite de Harran. La personne et son milieu // POC 12, 1962. P. 209-223; 319-332; 13, 1963, 114-129;

10. *Griffith Sidney H.* The Prophet Muhammad, his Scripture and his Message according to the Christian Apologies in Arabic and Syriac from the First Abbasid Century // *Fahd T.* (ed.). La vie du prophète Mahomet; colloque de Strasbourg 1980. Paris, 1983. P. 99-146;

11. *Griffith Sidney H.* Theodore Abu Qurrah's Arabic Tract on the Christian Practice of Venerating Images // JAOS 105, 1985. P. 53-73;

12. *Griffith Sidney H.* Greek into Arabic: Life and Letters in the Monasteries of Palestine in the ninth Century; The Example of the Summa Theologiae Arabica // Byz. 56, 1986. P. 117-138;

13. *Griffith Sidney H.* Free Will in Christian kalam: the Doctrine of Theodore Abu Qurrah // Journal of Arab Christian Studies 1, 1986. P. 69-97 u. ParOr 14, 1987. P. 79-107;

14. *Hammerschmidt E.* Einige philosophisch-theologische Grundbegriffe bei Leontios von Byzanz, Johannes von Damaskus und Theodor Abû Qurra // OS 4, 1955. S. 147-154;

15. *Khoury Adel-Th.* Les Théologiens byzantins et l'Islam. Textes et auteurs (VIIIe – XIIIe s.), 1969. P. 83-105;

16. *Khoury Adel-Th.* Der theologische Streit der Byzantiner mit dem Islam, 1969. S. 18-20;

17. *Khoury Adel-Th.* Polémique byzantine contre l'Islam (VIIIe – XIIIe s.), 1972;

18. *Khoury Adel-Th.* Apologétique byzantine contre l'Islam (VIIIe – XIIIe siècle) // POC 29, 1979. P. 242-300; 30, 1980. P. 132-174; 32, 1982. P. 14-49;

19. *Kneller C. A.* Theodor Abucara über Papsttum und Konzilien // ZKTh 34, 1910. S. 419-427;

20. *Monnot G.* Abu Qurra et la pluralité des religions // RHR 208, 1991. P. 49 ff.;

21. *Samir Khalil*. La «Somme des aspects de la foi», uvre d'Abu Qurrah? // *Samir Khalil* (ed.). Actes du deuxième congrès international d'études arabes chrétiennes (Oosterhesselen, sept. 1984), OCA 226, 1986. P. 93-121;

22. *Samir Khalil*. Abu Qurrah et les Maronites // POC 41, 1991. P. 25-33;

23. *Samir Khalil*. Le traité sur les icônes d'Abu Qurrah mentionné par Eutychius // OCP 58, 1992. P. 461-474; DHGE I. P. 157 f.; LThK2 X. P. 37 f.; EI2 I. P. 136;

24. *Schwaigert Wolfgang*. Theodoros Abu Qurra // Bestellmöglichkeiten des Biographisch-Bibliographischen Kirchenlexikons. Band XI (1996). S. 964-968;

25. *Tarchnishvili Michael, Assfalg Julius*. Geschichte der kirchlichen georgischen Literatur, 1955 (Studi e Testi, 185). S. 519;

26. *Tritton A. S.* The Bible Text of Theodore Abu Kurra // *JThS* 34, 1933. P. 52-54.